

Пролог

Металлическая губка, которой Агата шоркала по кастрюле уже двадцать минут, распустилась по нитям и ничего не оттирала. Дешевое моющее средство с сильным запахом грейпфрута мало помогало делу, растворяя разве что кожу на руках. Подгоревший жир в кастрюле размок, но никак не хотел отслаиваться, намертво пристав к стенкам посуды.

Агата кинула губку в кастрюлю со всего размаху, чувствуя, как закипает от злости и бессилия. Жирные темные брызги разлетелись, попав на лицо, и Агата поспешила вытереть его руками, но тут же пожалела об этом. Глаза и нос ужасно защипало от моющего средства. Обида вырвалась из груди прерывистым вздохом, по щекам потекли слезы.

— Она не оттирается, — жалобно произнесла десятилетняя девочка, появившись в дверном проеме гостиной.

— Значит, плохо трешь, — не поворачивая головы, сказала мать.

Все ее внимание было приковано к экрану ноутбука, стоящему перед ней на журнальном столике. Женщина сидела в ротанговом кресле с мягкой подушкой и потягивала вино из пузатого бокала, читая комментарии начальства к своему проекту.

— Суки какие, — прошипела она, вчитываясь в очередной отзыв.

— Можно я пойду к себе в комнату? — напомнила о своем присутствии Агата.

— Ты что, помыла всю посуду?! — Мать наконец повернулась к ней лицом.

Но лучше бы не поворачивалась. Молодость, наследственная худоба и косметика делали его довольно милым, но как только она начинала злиться, лицо тут же превращалось в нечто омерзительное: угловатое, с красными, выпученными от злости глазами, дергающимся подбородком и раздувающимися ноздрями. Уголки ее губ опускались, и улыбка становилась мрачной гримасой. Не хватало только змей в волосах, была бы вылитая Медуза Горгона.

— П-п-почти, — виновато опустила голову девочка, боясь взгляда матери, словно тот действительно может превратить ее в камень.

— Так какого хрена тогда ты спрашиваешь?!

— У меня руки болят...

С опущенных ладоней Агаты быстро стекали коричневые ручейки и, собираясь на кончиках пальцев в капли, срывались и разбивались о паркет: кап-кап-кап.

— Ты чего мне тут весь пол загадила?!

Агата вытерла пальцы о джинсы.

— Господи, в кого ты такая дура?! Теперь еще и джинсы стирать! Я что, все сама должна делать в этом доме? Готовить, убираться, работать?! Ты вообще что-нибудь можешь сделать нормально?!

Дочка молчала. Ей было что сказать, она давно составила целый список претензий к матери и каждый вечер перед сном проговаривала его, ведя

с родительницей ненастоящий диалог. Но сейчас она молчала, и это было правильным решением, ведь спорить было бессмысленно — это лишь приведет к новой работе и другим наказаниям или оскорблениям, а Агата была по горло сыта этим.

Наконец мать успокоилась. Она отвернулась к ноутбуку и подобрала ноги под себя. Такая поза означала, что если ее отвлечь еще раз, то все может закончиться весьма скверно, а уж насколько скверно, можно только гадать.

Агата вернулась на кухню и тихонько, чтобы мать не услышала, закрыла дверь на замок. Причиной такой осторожности стала вода, что вытекала из переполненной раковины на пол. Кран был открыт на полную. Маслянистая, пахнущая ржавчиной, хлоркой и грейпфрутом лужа быстро разрасталась. Дешевый ламинат уже успел вздуться в некоторых местах. Ноги у девочки мгновенно одеревенели, сознание хотело потеряться, но Агата не спешила падать в обморок.

— Я же не открывала воду, не открывала! — задыхаясь от волнения, девочка репетировала свою предсмертную оправдательную речь. Мать точно убьет ее за такое.

Лужа тем временем уже затекала под кухонный гарнитур, обволакивала ножки стульев, собиралась заползти под плиту и навечно поселиться там, превратившись в липкое пятно. На поверхности этого искусственного водоема, практически в самом его центре, там, где солнечный луч пробивался сквозь вертикальные жалюзи, что-то плавало. Агата пригляделась и своим острым детским зрением увидела, что это развернувшийся на водной глади зеленый листок.

«Откуда он здесь?»

Этот небольшой кораблик медленно плыл в сторону холодильника, подгоняемый течением, созданным открытым краном и засорившимся сливом.

Агата с мамой жили на одиннадцатом этаже в недавно сданной новостройке. Их район вырос три года назад из асфальта и бетона, в которые была закатана некогда росшая здесь березовая роща и часть поля. С тех пор, кроме газона и туй, высаженных по плану застройщика вдоль тротуаров, не выросло ни одного полноценного дерева выше колена. Этот лист выглядел как нечто совершенно невероятное, хоть и не являлся чем-то особенным в принципе.

Завороженная видом этого живого корабля, Агата совсем выпала из реальности и очнулась, лишь когда из гостиной послышался голос матери, спорившей с кем-то по телефону. Опомнившись, девочка подскочила к раковине, чтобы прекратить потоп. Тапки звонко шлепали по холодной как лед воде и раскидывали брызги на обои. Агата с жаром крутила вентиль, пока тот не издал характерный треск, и даже после этого девочка сделала еще пару усилий, пока кран не встал намертво. Поток остановился. В полной тишине последняя капля сорвалась с носика излива и упала в переполненную раковину, издав звонкий бульк.

Агата хотела было спустить воду в раковине, но, увидев, чем та заполнена, ахнула. В мутной зловонной воде, словно в осенней луже городского парка, плавали листья, трава и какие-то ягоды. Агата поморщилась. Меньше всего на свете она хотела лезть рукой в это маленькое болотце, но ей нужно было как можно скорее расчистить слив, чтобы вода ушла.

Зажмурившись и скрючив еще сильнее от отвращения нос, она медленно погрузила руку в хо-

лодную мерзкую жидкость и принялась искать дно. Пальцы ее быстро что-то нащупали. По ощущениям это была какая-то ветка, что застряла в сливном отверстии. Агата потянула за нее, но та сидела плотно, словно пустила корни в сливной трубе. Делать было нечего, засор нужно было устранять немедленно, и Агата продолжила тянуть. Мать и так лишилась интернета и карманных денег на несколько лет за этот потоп, но, если придется еще вызывать сантехника... Агата боялась даже представить возможное наказание. Скорее всего, ее снова выпорют, как пару лет назад, когда она случайно уронила блендер, и тот раскололся.

Ветка никак не хотела вылезать наружу. Девочка вытерла заплаканное вспотевшее лицо о рукав, встала поудобней и, упершись коленкой в тумбу, потянула изо всех сил. Ветка вышла на пару сантиметров, но все еще не давала воде утек.

— Пожалуйста... Прошу тебя...

Агата кряхтела и тянула так сильно, что глаза начинали болеть от давления, но ветка по-прежнему лезла неохотно. Мать могла войти в любой момент. Девочка слышала, как она пару раз проходила мимо, разговаривая по телефону, и топталась возле двери. А может, это детское сердце стучало от волнения? Нужно было исправить хоть что-то. Победить засор стало теперь делом всей жизни ребенка. Агата перестала тянуть и дернула, расплескав воду на стены и чистую посуду. Она дергала снова и снова. Ветка больно ранила и без того пострадавшие ладошки, но Агата не останавливалась. Наконец ветка начала поддаваться. Сантиметр, два, три... Агата дергала до тех пор, пока руки ее полностью не вы-

шли из воды. Это было самое настоящее дерево или куст, непонятно как попавшее в их раковину.

«Мама же поймет, что это не я. Я не могла сделать такое, не могла...» — успокаивала себя девочка, чувствуя, как от ужаса ее всю трясет. По-хорошему нужно было срочно звать мать и показывать ей этот невероятный бардак. Она была обязана поверить дочери, у нее просто не было выхода. Да, Агата не самая умная в классе, и она не такая сообразительная, как ее двоюродная сестра Кира, которую мама постоянно ставит в пример, но она не идиотка, ей бы в голову не пришло сотворить подобное. Кто-то проник к ним в квартиру и устроил этот потоп специально — другого объяснения не было. Девочка не открывала кран, не пихла кусты в раковину, она не виновата, не виновата!

Агата дернула в последний раз за ветку, и та вдруг пошла так легко, что девочка не удержалась на ногах и плюхнулась на мокрый пол. Джинсы тут же пропитались водой насквозь. Ветка была просто огромная и упиралась в потолок.

Вопреки всем ожиданиям, как только засор был побежден, вода не утекла в слив — она повалила наружу, словно это засор не давал ей проникнуть в квартиру, а не наоборот. Из раковины через край на пол, злобно булькая и пенясь, выбиралась темно-зеленая, ужасно вонючая густая жижа. Кухня стремительно превращалась в самое настоящее болото.

Несмотря на раскрытый от удивления рот, крик застрял где-то в горле Агаты. Такое мать ей уже точно не простит.

«Нужно было оставить затычку внутри».

Не успела она подумать, как из слива показалась еще одна ветка, но уже более толстая и на этот раз

вся в листе. Она без посторонней помощи выросла до потолка и начала раскидывать в стороны новые отростки, которые быстро множились и заполняли собой всю кухню. Это было настоящее дерево, оно увеличивалось и крепло с каждой секундой.

Ветви мгновенно оплели холодильник, плотная листва закрыла собой магнитики с изображением египетских пирамид, словно стерла тот отпуск из воспоминаний. Вьюн змеей обжал вытяжной зонт над плитой, и тот смялся легче, чем тетрадный лист. Дикие цветы распустились на окне, нагло притеснив местный фикус и орхидею. В кухне стало заметно темней.

Выйдя из ступора, Агата встала с мокрого пола и хотела броситься к двери, но путь ей перегородили выползающие из раковины, словно дождевые черви, корни. Они были живыми и быстро устремлялись к полу, взрывали ламинат, поднимали его, распространяясь под ним, словно под землей, вылезали новыми деревьями по всей кухне. О потопе можно было больше не беспокоиться — это теперь было меньшей из проблем.

Кухня быстро наполнялась тошнотворным смрадом органики. Шлепая по грязной воде, Агата добежала до обеденного стола, что вместе с окружающими его стульями уже успел покрыться густым мхом. Забравшись под него, девочка снова уселась в воду и, спрятав лицо в ладони, начала тихо рыдать. Маленькое детское сердце стучало как сумасшедшее и норовило пробиться сквозь ребра.

Теперь кухня напоминала глухой лес. Вода загустела и, кажется, перестала течь. Изо всех углов доносились шорохи. Что-то чавкало, ползало, скре-

блось в только что выросшей траве. С верхних полок, где мать хранила коллекцию чая, сорвалась какая-то птица. Махнув крыльями, она сделала круг над бывшей кухней, издала пронзительный крик и скрылась в листве.

Агата уже не видела ни духовку, ни посудомоечную машину. Если бы не слабые лучи сентябрьского солнца, еле пробивающиеся из окна через заросли, она бы не смогла сориентироваться в двенадцати квадратных метрах собственной кухни. Девочка наконец поняла, что либо сейчас она закричит, либо уже никогда не сможет сделать этого. Сделав несколько глубоких, прерывистых вдохов, она открыла рот и завизжала что есть мочи. От ее тонкого голоса задрожала листва. С потолка теплым дождиком осыпался конденсат, вдалеке слышались шаги матери.

— Ты чего там кричишь?! Эй! Агата, ты зачем заперлась?! Почему у меня под ногами вода?! Открывай, живо! — было слышно, как мать дергает ручку двери и пытается ее открыть, но замок не дает ей этого сделать. — Агата, засранка, открой немедленно, или я выпорю тебя, как в прошлый раз! Забыла, как это было?! Я напомню! — барабанила она ладошкой по темному стеклу.

— Я не могу открыть! Мама, помоги мне! Здесь деревья и птицы, я хочу выбраться, но не могу! — Агата кричала, но с каждым новым словом ее крик становился все тише. Лес реагировал на этот зов помощи. Деревья угрожающе скрипели, жижка на полу пузырилась.

— Что ты несешь? Какие еще деревья?! Что за топ ты устроила?!

Ручка никак не поддавалась.

— Разбей стекло, мама! Умоляю, разбей его! Быстрее!

Пусть лучше мать выпорот ее и навсегда лишит денег, пусть заставит отмыть всю квартиру и коридор. Она до блеска надраит пахнувший мочой лифт, если нужно, только бы выбраться из этого ужаса. Ноги ее больше не будет на кухне, даже под страхом смерти.

— Ты сдурела?! А ну, живо выходи! — истерила мать, все еще пытаясь победить замок.

— Я не могу! Тут кто-то есть! Мама, мама-а-а!

Агата слышала, как под тяжестью чьих-то ног ломаются маленькие веточки, как хлюпает густая жижа. Она вжалась во влажную стену и, поджав под себя колени, затаила дыхание. Послышался сильный хруст, словно ломались кости. Девочка подглядела одним глазом и заметила, как сбоку к ней приближается ветка. Нет, это была не ветка, это была коричневая, покрытая корой и землей рука с сухими, тонкими пальцами. Агата сжималась изо всех сил, как напуганный котенок, она отползала вдоль стены, но рука вытягивалась следом за ней, издавая жуткий костяной хруст. Девочка было дернулась, чтобы вскочить из-под стола, но рука вцепилась в ее запястье и с легкостью, словно ребенок был размером не больше щенка, потащила наружу.

Агата завизжала с новой силой. Она попыталась ухватиться за деревянную ножку стола, но та буквально сгнила, превратившись в труху. Стол накрепко наклонился на один бок и упал.

— Мама! Мамочка, пожалуйста, спаси меня! Кто-то схватил меня!

— Открой эту чертову дверь, или мне придется ее выбить!

Рука вытянула плачущую Агату из-под стола, и девочка увидела его. Сгорбленное, невероятно худое существо было размером со взрослого человека. Большую часть тела покрывала подсыхающая грязь и листва, с рук и ног свисали длинные нити грибницы. Чудище выглядело как ходячее болото.

Первобытный ужас украл у девочки голос, и она больше не открывала рта. Лицо монстра напоминало муравейник: оно состояло сплошь из маленьких веточек и кишело живностью. Глаз и рта не было видно, но они там точно были. Должны были быть.

Лесное чудище двигалось ломаными, хрустящими движениями, напоминающими треск сухих веток. Оно держало Агату за плечи и рассматривало. Слезы стекали по грязным детским щекам, но девочка больше не произносила ни слова, даже не всхлипывала. Деревянный монстр схватил Агату за обе руки и перевернул их ладонями кверху, а затем приблизился к ним своим кошмарным лицом. Агата не сопротивлялась. Изодранная металлической губкой кожа на ладонях сильно кровоточила и была вся сморщена. Если бы не размер руки, то можно было бы сказать, что она принадлежит не десятилетней девочке, а пожилой женщине.

Существо сняло со своего плеча кусок влажной грязи и плюхнуло на детскую ручку. Монстр медленно потер свои страшные длинные ладошки друг о друга, показывая, что нужно сделать так же. Перебив страх, Агата повторила.

Девочка морщилась, всхлипывала, но продолжала тереть. Грязь щипалась, но приятно остужала зудящую кожу. Спустя несколько секунд боль прошла окончательно. Агата посмотрела на лицо из веток и еле слышно прошептала:

— Спасибо.

Страх, кажется, начал отступать. Несколько веток на лице-муравейнике зашевелилось, и Агата подумала, что монстр улыбается.

В этот самый момент послышался удар, а затем звук осыпающегося стекла.

— Какого черта?! — крик матери не походил на злобный, скорее, он нес в себе страх. — Агата, ты здесь?! Агата, где ты? Господи, что здесь происходит?!

Лесное существо обвило руку девочки своими жесткими пальцами, усеянными почками будущих листков, и потянуло Агату в сторону раковины. Живые заросли быстро сгущались.

Мать открыла замок через дырку в двери и попыталась пробраться сквозь листву, но та, словно живая, лезла ей в глаза, рот, уши, не давая сделать даже шаг. Острые ветки царапали женщине руки, шею, обвивались вокруг ног.

Наконец она смогла пробиться сквозь живую преграду и увидела дочь, захваченную страшным неведомым существом, состоящим из грязи, веток, травы и человеческой плоти.

— Что тебе от нее нужно?! — Голос женщины хоть и прозвучал громко, но в нем не было и намёка на храбрость или воинственность. Он напоминал скорее отчаянный крик загнанного в угол животного.

Монстр не обратил на мать Агаты никакого внимания, утаскивая девочку глубже в чащу.

— Отпусти мою дочь! — все же собравшись с духом, но еще дрожащим голосом крикнула женщина и бросилась вперед.

Агата посмотрела на мать в последний раз — перед тем, как лес сомкнулся вокруг нее. Лицо девочки

выглядело тревожным, но ужаса на нем не было, лишь немного осуждения и обиды. Обиды за то, что мать не спасла ее. Обиды за сложное детство. За то, что отец вынужден был уйти к другой женщине из-за постоянных истерик матери. Обиды за грязные слова и угрозы, которые она слышала каждый день в свой адрес и пропиталась ими насквозь. За то, что Агата была для родительницы вместо боксерской груши, на которой та выпускала пар. Она буквально тонула в душевном дерьме матери, терпела ее тихий алкоголизм. Агата так давно хотела все это высказать, и вот сейчас в ее взгляде мать смогла разглядеть всю необъятную детскую обиду.

Девочка лишь негромко пискнула, как мышка, в момент, когда безжалостный рычаг мышеловки сломал ей хребет, и исчезла. Ее засосало в слив. Следом за ней за пару секунд в раковину засосало все деревья, листву, траву, всех невидимых животных, даже вода с пола и та утекла в канализацию, поднявшись по дверце тумбы.

Теплое солнце снова заливало чистую пустую кухню, где, кроме женщины, не было ни души. Воздух был наполнен концентрированным запахом грейпфрута. Посреди кухни, на изуродованном и разбухшем ламинате, блестел листок, освещаемый лучом сентябрьского солнца. Тишину нарушил громкий звук, и женщина дернулась от испуга. Это была грязная кастрюля, свалившаяся в раковину.

Глава первая

**Наша
дни**

ДРУЗЬЯ

— Эй, Марк, Саша, подождите меня!

Тошка бежал сломя голову по школьному коридору, расталкивая слишком нерасторопных одноклассников своими острыми локтями. Эти увальни, что никак не могли оторвать взгляда от своих смартфонов, вечно занимали всю центральную часть прохода и петляли, словно проходили змейку на экзамене по вождению. Тошка легко перепрыгнул через преграду из брошенных на пол рюкзаков, ловко обогнул огромный зад математички Вазерман, по сравнению с которым айсберг, потопивший «Титаник», был просто микробом, и вышел на финишную прямую.

С тех пор как Тошка купил себе новые кроссовки «Пума», он передвигался исключительно бегом. По его словам, именно в таких кроссовках Усэйн Болт и поставил свой рекорд на стометровке.

Тошка догнал друзей на выходе из школы. И даже когда в беге не было больше нужды, он продолжал носиться вокруг ребят, прыгать и делать короткие перебежки на месте.

— Ну, все-все, успокойся, Тош, — раздраженно произнес Марк, когда друг задел его плечо.

— Да, Тош, хватит. От тебя воняет, как от мужской раздевалки! — Саша помахала рукой перед лицом, чтобы разогнать зловонные потные испарения.